

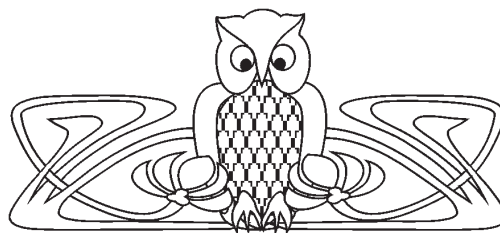

УДК 140.4

ЭТИКА ДИСКУРСА КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Проблема самосохранения жизненного мира человека делает задачу модернизации стратегий социализации особенно актуальной. Обращение к этике дискурса открывает перспективу разработки, обоснования и внедрения социальных практик, построенных на гармоничном взаимодействии отдельного индивида и глобального общества.

Ключевые слова: этика дискурса, социализация, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

Ethics of a Discourse as a Basis of Strategy of Socialization in the Globalized World

М. О. Orlov

The problem of self-preservation of the vital world of the person does a problem of modernization of strategy of socialization especially actual. The reference to ethics of a discourse the expert, constructed on harmonious interaction of the separate individual and a global society opens prospect on working out, a substantiation and introduction social.

Key words: ethics of a discourse, socialization, globalization, social dynamics, social and cultural changes.

Социальные изменения в современной глобальной цивилизации обусловлены во многом процессами коммуникационной динамики, под которой можно понимать обмен ценностно-значимой информацией между индивидуальными и социальными субъектами. Важно определить, что означает само понятие «дискурс». Традиционно под ним понимается связный текст, в котором учитываются также прагматические, психологические и другие факторы. Речь трактуется как целенаправленное социальное действие и как необходимый элемент взаимодействия людей. Понятие дискурса вбирает в себя экстралингвистические особенности текста, его связь с жизнью, поэтому в лингвистике текста нужно проводить четкие различия между текстом и дискурсом. Текст является формальной и абстрактной структурой, которая несет смысл в себе самой. Дискурс же в качестве одной из важных характеристик включает связь с внешними по отношению к нему факторами, наличествующими в социальной динамике. Исходя из этого тексты, которые не имеют явной связи с живым социальным контекстом, не являются дискурсами. Понятие «дискурс» впервые стало применяться в лингви-

стике. Кроме того, широко оно использовалось и во французском постструктурализме. История развития этого понятия связана и с междисциплинарной областью – лингвистическим анализом, который проник в психологию, этнографию, социологию, кибернетику и т. д. В философской публицистике начиная с 1970-х гг. это понятие также встречается довольно часто.

Разнообразно осмысливается это понятие в философии: во французском постструктурализме это инструмент выявления скрытых культурных смыслов; в американской и немецкой традициях оно связывается с методом герменевтически-языкового анализа когнитивных процессов. Такой подход к пониманию дискурса открыл возможность его универсализации – дискурс приобрел всеобщее философское нормативное значение. Однако следует четко различать специфику исследования в герменевтике и трансцендентализме, так как обе эти модели объектом изучения считают символический жизненный мир.

В рамках данной статьи мы обращаемся к методологическому ресурсу современной трансцендентальной прагматики, который позволяет обратить пристальное внимание на структуры символического порядка, представленные в виде системы правил, в соответствии с которыми создаются и трансформируются символические системы, определяющие действия индивидуальных и социальных субъектов. По мысли Л. И. Тетюева, дискурс по характеру содержащихся в нем общезначимых притязаний обладает в коммуникации особым статусом «трансформированного субъекта», как отрефлексированная форма коммуникации является общезначимым и универсальным трансцендентальным субъектом – нормативным фундаментом значимости рационального действия вообще¹. Таким образом, *дискурс может быть определен как вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников.*

Дискурс мыслится как возможность критически дистанцироваться от социальной реальности и утвердить ее принципы не на позитивистском принятии существующих норм и ценностей и не на притязаниях единичного субъекта, но на рациональном непредвзятом обсуждении.

С помощью языка может быть обсуждено все, что фигурирует в речевом общении и конституировании социальных действий. Языковые выражения предполагаются и при молчаливом социальном взаимодействии. Наконец, сами структуры языка могут стать темой обсуждения лишь через язык. Обычное общение происходит привычным образом, и его значимые аспекты «наивно предполагаются» участниками. Дискурс же обычно позволяет сделать явными ценности, нормы и правила социальной активности и требует, чтобы все мотивы действий его участников, кроме готовности к совместному достижению взаимопонимания, были аннулированы. При этом соответствующие речевые акты и служат для того, чтобы выражать отличие сущего от должного, сущности от явления, бытия от видимости, а в результате – подлинного (истинного) от ложного (вводящего в заблуждение) консенсуса участников коммуникации. Однако тут возникает логический круг: подлинный консенсус достижим лишь разумными («компетентными») участниками диалога, но сама разумность есть также предмет обсуждения и удостоверяется подлинным консенсусом. Выход из этого круга усматривается в допущении в процессе дискурса «идеальной речевой ситуации», при которой нет не только внешнего давления на процесс коммуникации, но и внутреннего, порождаемого ее собственными структурами.

В рамках анализа взаимосвязи речевых актов и социальных изменений важным становится механизм социальной коммуникации, предваряющий проект дискурсивной этики, которая содержит практическую установку на выработку адекватных ответов перед лицом глобальных вызовов современности. *Дискурсивная этика (этика дискурса)*² – это универсальная программа коллективной ответственности за будущее человечества, заключающаяся в свободном обсуждении проблем, выработке решений по самосохранению жизненного мира человека. Данная методологическая установка обосновывает и легитимирует ценность цивилизационно-планетарного жизне-созидания в качестве универсального морального основания в условиях глобализации. В самом определении дискурсивной этики отображается ряд потенциальных значений: 1) этическая составляющая целиком и полностью находится в сфере интересубъективных отношений, а значит, в области коммуникации субъектов – дискурс здесь выполняет роль универсального метода, конституирующего социальную динамику; 2) именно дискурс становится предметом этического интереса (среди всех этических вопросов фиксируются лишь нормативные коллизии коммуникации) – коммуникативное пространство является здесь только источником нормативности; 3) современные продолжатели традиции русской религиозной философии, применяя ресурс ценностной рациональности, прослеживают связь

дискурса с жизнью³. Виталистический мотив самосохранения жизненного мира связывает этику с дискурсом, который разворачивается при условии жизни субъектов дискурса; он сам является показателем, признаком и симптомом жизни. Эти подходы актуальны в рамках разговора о дискурсивной этике. Однако необходимо отметить, что в контексте социальной динамики дискурсивная этика чаще всего осмысливается в русле первого подхода, уделяющего пристальное внимание понятию «нормы» и претензии на значимость (*Geltungsanspruch*).

А. В. Назарчук отмечает четыре фундаментальные черты дискурсивной этики, которые, по его мнению, являются специфичными и отличают ее от подобных явлений, – *деонтологический, универсалистский, процедурный и когнитивистский* характер моральной теории⁴. Не вызывает сомнения, что эти характеристики дают возможность для моделирования динамики моральных поступков в социальном пространстве, а также подводят этику дискурса под кантовскую этику, хотя и не без серьезного изменения последней в контексте постклассической парадигмы социальной динамики. Первая корректировка кантовской этики касается ее *деонтологического* характера. Изменение должно касаться морального принципа. В частности, необходимо обратить внимание на последствия динамики действий морального субъекта. Таким образом, нивелируются последствия чистой этики убеждений, которые, согласно взглядам Канта, накладывают запрет из любви к человечеству на обман убийцы, ищущего свою жертву⁵.

Следующее изменение касается того, что дискурсивная этика стремится перемоделировать категорический императив Канта с помощью учета интересов всех лиц, включенных в ситуацию морального действия. Далее, в рамках дискурсивной этики существует направление нормотворческой деятельности. Воплощается она с помощью включения *процедурных* механизмов универсализации этического содержания в процесс коммуникации: нет априорно моральных содержательных норм, однако есть механизмы верификации морального содержания и обоснования моральных норм. Еще одной важной чертой дискурсивной этики является ее моральная теория, стремящаяся приобрести когнитивные черты. Хабермас видел в этом процессе обоснование рациональности конкретных норм, а представители трансцендентальной прагматики указывали на то, что эта характеристика фундаментальна для самой динамики этических процессов в социуме.

Дискурсивная этика не только предлагает новые измерения, но и трансформирует предмет исследования этики, вносит в него новшества в соответствии с требованиями наших дней. Отметим, что можно различать три вида морали. Первая, так называемая традиционная, рассматри-

вается как микромораль. Она призвана решать этические проблемы социальной динамики на уровне межличностных, межсубъектных связей. Действует она в сфере этико-психологических отношений, которые мало подвержены изменениям под давлением времени, поэтому ведущие позиции здесь занимают моральные традиции, выработанные различными локальными культурами. Однако их потенциала уже недостаточно для функционирования мезоморали, которая возникает на уровне отношений сообществ и институтов, находящихся за пределами межсубъектных связей. Примером в данном случае может быть этическая и моральная ответственность политического деятеля за решения, принятые им для общего блага государства. По сути дела, задачи мезоморали являются установками микроморали, но на уровне государства. Макромораль и проблемы, которые она призвана решать, являются абсолютно новыми в истории человечества и не имеют аналогов. Центральный на этом уровне морали – вопрос об ответственности за существование всего человечества, таким образом, предложенная в статье ценность цивилизационно-планетарного жизнестроения соответствует дискурсивным требованиям к универсальному моральному основанию. Угрозы и риски общепланетарного масштаба, которые несет социальная динамика, способны привести к необратимым катастрофическим последствиям. Особенность этого уровня морали – ее планетарная масштабность. Вопросы и проблемы, возникающие в контексте макроморали, являются для человечества общезначимыми. Возникновение каждого из перечисленных уровней морали связано с каким-либо историческим этапом. Макромораль не исключение, планетарная макроэтика является прежде всего этикой ответственности.

Отметим тот факт, что проблема моментального уничтожения человечества относительно нова и не имеет глубоких исторических корней. Самое масштабное и катастрофическое событие XX в. – Вторая мировая война – никаким образом не могло привести к подобному исходу. Лишь создание ядерного оружия и мировая гонка вооружений вывели эту угрозу из потенциального состояния в актуальное. Осмысление бытийственности человека в ситуациях подобных рисков относится к фундаментальным философским проблемам, особенно актуально сегодня звучит методологическая метафора, предложенная В. Б. Устьянцевым: «Человек – мера всех рисков: мыслимых и немыслимых, реально ожидаемых и самых неожиданных»⁶. Реальность подобной ситуации способствует переосмыслению традиционных этических представлений. Так, по мысли А. И. Парфенова, «самое слабое и подлое животное – человек – объявило себя Высшим Существом, присвоив себе право не только формировать дискурсивные практики, но и варварски уничтожить все

живое, включая представителей собственного вида»⁷. Безответственность человека, а не его разумность, привела к потребности этизации социального пространства и социальной динамики. Негативной стороной осознания человечества себя как целого является угроза самоуничтожения. Катализатором для развития новой модели этики является также угроза существованию экосферы человечества. Введение в контекст этики виталистического мотива – вопроса об экологии – заставляет размышлять сегодня не только о выживании человечества, но и о существовании грядущих поколений. Достаточно актуальной остается проблема конфликтной социодинамики «Севера» и «Юга», которая выливается во множество мировых катаклизмов. Остро стоит проблема мало поддающегося контролю научно-технического прогресса. В настоящее время, когда единство и целостность человеческой природы ставятся под сомнение, особенно важным становится вопрос социального управления социальной динамикой. В контексте этих процессов возникает так называемая биоэтика, которая заслуживает пристального внимания. Планетарная макроэтика, основанная на ценности ответственности, обуславливает методологическое совпадение дискурсивной этики и проблем социальной динамики.

Поведенческие реакции человека не определяются эволюционными инстинктами, в отличие, например, от животных. В поведении человека нет тех жестких границ, которые заданы его природой. Однако нельзя регуляцию поведения полностью сводить к стратегически-техническим правилам эффективного действия: порой возникают ограничения в виде правил игры. Для человека наличие стратегического мышления, умение поставить цель и соблюдать правила игры не являются достижением естественной селекции. Правила игры и цели устанавливаются им сознательно, причем понимание дает возможность вариативности поведения.

Созидательная человеческая деятельность развивается при отсутствии границ технико-стратегического действия и достижении консенсуса по поводу целей и правил игры. Это можно назвать социальным управлением сферой этического разума. Социальная динамика приобретает рациональные черты и дискурсивность только благодаря тому, что человек преодолевает границы детерминизма, определенного природой. Человек, в отличие от животного, может отказаться от таких биологических ценностей, как жизнь, продолжение рода, сохранение генотипа. Для него не так важна сенсорно-эмоциональная ориентация, вопреки которой он может действовать. В случае такой модели поведения наличия моральных рамок социальной динамики просто необходимо. Традиционная мораль и социальная динамика в ее контексте не исключают наличия эмоционального фона. Новые же усло-

вия требуют иных поведенческих регулятивов, так как эмоциональный контроль оказывается эффективным не во всех ситуациях. Примером таких проблем может служить экологический кризис, когда недостаток природной регуляции восполняется разумно-человеческими или дискурсивными элементами.

Итак, в контексте постклассических стратегий универсальной прагматики социальная динамика напрямую связана со взаимодействием языка и мышления, так как развитие индивида есть, по сути, развитие языковой, интерактивной компетенции в контексте определенных рамок поведения. Таким образом, формирование личностных характеристик обязательно связано с наличием каких-либо ограничений по отношению к объективности природы, нормативно-правовой базе общества, языковой системе и к самому себе. Здесь особое внимание нужно обратить на роль языка, так как благодаря ему устанавливаются отношения между личностью и окружающим ее миром. И социальная динамика в таком случае – это порождение коммуникации.

Наличие психологического и социального элементов в социальной динамике дает возможность применения логики морального развития и в области социально-культурной истории. Справедливость данного утверждения доказываете тем, что культура в некотором смысле обновляется грядущими поколениями. Она, таким образом, подчиняется общей динамике индивидуального развития. Однако следует учитывать и то, что моральность нового поколения складывается скорее в соответствии с процессом социализации в рамках имеющейся культурной традиции, нежели под влиянием индивидуальной логики развития. Особое внимание здесь стоит обратить на зависимость осознания моральных норм конкретным индивидом от уже существующего и выработанного в культурной традиции высшего морального сознания.

Дискурсивный принцип рождается в зависимости не от индивидуальных предпочтений субъекта, а от формально-общественных процедур, которые индивид не может игнорировать, так как тоже находится под их влиянием. Это не предполагает нивелирования личных моральных установок индивида со стороны общества. Установки постклассической философии позволяют обратиться к наследию философии русской, которая апеллирует к социально-значимому концепту – совести индивида, так как именно она помогает человеку достичь общественного согласия.

В процессе работы над основным принципом дискурсивной этики было получено несколько его определений. Одно из них обозначается как «принцип дискурса»: здесь упор делается на понимание дискурса как основы для легитимации норм. Нормы приобретают смысл только тогда, когда могут помочь участникам практического дискурса в поиске согласия. В коммуникативном

обществе правила и нормы аргументации, используемой равноправными индивидами, могут послужить средством для достижения консенсуса, и к этому консенсусу, основанному на этических нормах, следует стремиться на практике.

Принцип консенсуса выдвигает требование, согласно которому каждое решение следует тестировать на возможность принять его консенсусным путем. Однако такая проверка не дает критериев для разграничения консенсуса легитимного и нелегитимного. Достижение согласия не является моральным явлением по своей сути, так как оно может быть заключено сторонами, преследующими аморальные цели. Совсем иное представляет собой аргументативный дискурс. Критерии оценки моральности дискурса были выработаны и воплощены в «принципе универсализации». Согласно ему каждая значимая норма при удовлетворении потребностей и интересов отдельного индивида должна быть одновременно признана всеми заинтересованными лицами добровольно. Здесь без труда можно заметить интенции к категорическому императиву. Принцип универсализации является своего рода императивом действия. Его функционирование связано прежде всего с вопросами справедливости и улаживанием конфликтов, возникших на почве «полифоничности» интересов. Следствием этого является некоторая узость значений по сравнению с принципами дискурса. Однако именно с помощью принципа универсализации стало возможным выяснить смысл модификации категорического императива.

Отметим, что основу морального развития как отдельного человека, так и общества в целом составляет возможность при установлении моральных и этических норм выделить и универсализировать идеи взаимного уважения и партнерских отношений между индивидами. Идея взаимности в условиях своей автономности, то есть без соответствующего контекста, не является воплощением морального соответствия, однако она конкретно обозначает направление для становления морального сознания. На наш взгляд, необходимо остановить внимание на этических характеристиках дискурса, которые формируют его нормативную базу в поле открытости, свободы и равноправия как фундаментальных ценностей.

Аргументированность (свобода от принудительных действий). В коммуникативном пространстве очень большое значение приобретает аргумент. Конфликтная ситуация в поле дискурса не гасится, а трансформируется в борьбу за лучший аргумент. Попытка открытого или завуалированного принуждения какими бы то ни было средствами является противоправной в рамках аргументативного дискурса. Условие свободы от насилия и любого вида давления является необходимым для процесса достижения консенсуса.

Компетентность. Участие в дискуссии предполагает, что субъект обладает определенной

информацией, знаниями (навыками и умениями), имеет выработанное отношение (мнение) о предмете дискуссии, то есть имеет определенные установки, включен в тот или иной социокультурный контекст, прежде всего в нормативные системы, что позволяет реализовать определенную рациональную стратегию и поиск аргумента.

Равноправие. В условиях коммуникации особую ценность приобретает грамотная аргументация, которая не берет во внимание авторитетность аргументирующего. Дискуссия должна предполагать абсолютное и бесспорное равноправие каждого потенциального или актуального агента. Это условие обязательно для выполнения относительно всех представителей коммуникативного сообщества, поэтому данная идея имеет и более глубокое значение, касающееся уничтожения любых форм дискриминации – этнической, расовой и т. д.

Открытость. Принцип открытости в условиях аргументативного дискурса закрепляет за каждым участником коммуникации право на участие в существующих дискуссиях и открытие совершенно новых. Таким образом, дискурсивная этика предполагает «принципиальную непатерналистичность». Дискурс не обосновывает существования «эксперткратии», напротив, здесь имеет право на существование любой аргумент, который кажется участнику оправданным в данном контексте дискуссии. Согласно принципу открытости любой партнер по дискурсу может высказать свою точку зрения на любую тему, находящуюся в сфере его интересов, даже если это высказывание не носит экспертного характера.

Проблема самосохранения жизненного мира человека делает задачу модернизации стратегий социализации особенно актуальной. Это обусловлено этическим и экологическим кризисом, так как именно эти сферы связаны с природой человека, с его физической и духовной целостностью. В области философской методологии дискурсивная этика соотносится с проблемами социализации благодаря концепции планетарной макротики, в основе которой лежит готовность субъекта нести ответственность за свои поступки.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- 1 См.: Тетюев Л. И. Трансцендентальная философия. Современный проект. Саратов, 2001. С. 80.
- 2 Там же. С. 106–110.
- 3 См.: Рожков В. П. Абсолют любви в русской религиозной философии. Саратов, 2003. С. 50–52.
- 4 См.: Назарчук А. В. Трансцендентальная прагматика и лингвистические теории коммуникации // Философия языка. Функциональная семиотика. Лингвопоэтика : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Липгарта и М. Э. Конурбаева. М., 2001. С. 241.
- 5 См.: Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Соч. : в 8 т. Москва, 1994. Т. 8. 718 с.
- 6 Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С. 164.
- 7 Парфенов А. И., Крайнов А. Л. Зоологические основы социального порядка. Саратов, 2007. С. 7.

УДК 316.346.32-053.81

К ПРОБЛЕМЕ МНОГОМЕРНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуются методологические и теоретические основания конструирования многомерной модели социализации молодежи. Методологическое обращение к категориям деятельности, общения и самосознания позволяет выделить соответствующие измерения процесса становления социализирующейся личности. На этом основании выявляются теоретические ресурсы социальных, политических, синергетических и кибернетических моделей социализации молодежи, доказываются правомерность их синтезирования в многомерную модель.

Ключевые слова: социализация, личность, принуждение, адаптация, побуждение, гегемония, конфликт, гармония, синергетика, кибернетика, многомерность, модель.

Multidimensionality of Modeling of Youth Socialization

V. P. Rozhkov

The article analyzes methodological and theoretical reasons for construction of multidimensional model of socialization of young people. The author assumes that the methodological treatment of the categories of activity, communication and self-awareness allow for adequate measurement of the process of becoming a social individual. On this basis he identifies theoretical resources of social, political, synergistic and cybernetic models of young people socialization, proving the acceptability of the process of their synthesis in the multivariate model.